

Иван Карасёв

Аня Кравченко

Из сборника "Мечь ласточек. Деревенские рассказы"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Карасёв
Аня Кравченко. Из
сборника «Месть ласточек.
Деревенские рассказы»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68288278
SelfPub; 2022*

Аннотация

Женщина живёт в деревне, её не очень любят соседи. Трудно понять за что. Может, за дело, может, и нет. А жизнь идёт своим чередом, и смерть приходит тоже как рутинка.

Рассказ из сборника "Месть ласточек. Деревенские рассказы".
Содержит нецензурную брань.

Иван Карасёв

Аня Кравченко. Из сборника "Месть ласточек. Деревенские рассказы"

Умерла Аня Кравченко. Ещё в августе она горбатилась в своём огороде, доила коров, в короткие часы послеобеденного отдыха смотрела сериал «Пока станица спит», продавала нам и другим городским картошку, огурцы, помидоры и даже домашний сыр. Магазинные твёрдые сыры не выдерживали конкуренции с её продуктом там, в деревне. Мы брали его целыми головками – килограмма по полтора. И цветы, занимавшие у неё чуть ли не четверть участка, всегда были ухожены и прополоты. Зайти к ним в дом летом можно только пройдя мимо Аниного мощного цветника, самого большого в нашей деревне. Но не прошло и полгода с нашего отъезда на зимние квартиры, как нам сказали: Аня умерла, рак. Оказывается, ей уже шёл 77-ой год, а я бы ей не дал и семидесяти. По лицу она вообще могла сойти за шестидесятилетнюю крестьянку.

Аня никогда не болела, во всяком случае от неё жалоб на

здоровье я не слышал. В их семье обычно хворал Витя, муж. В конце каждого лета я его спрашивал: «Возьмёшься косить моё поле в будущем году?» Витя, в отличие от Ани, которая матерного словечка не скажет, отвечал в обычной своей манере: «Х.. яво знае! Здоровье, б..., очень х...ое, ё... твою мать, до лета яшшо дожить надо, на х...!». Витя в последние годы пару раз лежал в больнице, не в районной, а в Великих Луках, шалило сердце, скакало давление, и ещё на что-то он жаловался. Но в сезон Витя, несмотря на болячки, вместе со старшим, так и не женившимся сыном Игорем обеспечивал семью и сеном для коровы, и дровами, да ещё круглый год столярничал у себя в мастерской. Аня же никогда не жаловалась, она каждый день крутилась по хозяйству, не до болезней. Так бывает часто в семьях, болеет один, а умирает другой.

Со смертью Ани в деревне осталось только пять постоянных жителей, а ещё два года назад, пока живы были, например, баба Тамара и баба Галя, жили там девять человек. В начале девяностых – так вообще больше двадцати, а когда-то даже начальная школа имелась. Правда летом население увеличивается человек на двенадцать-пятнадцать, но и то не весь сезон, да и среди дачников в последние годы имелись потери. Сначала умер, как звали его некоторые, старый дядя Миша Михельсон (фамилию предки получили по барину), потом восьмидесятирёхлетний Ильич, или Мишка Дегель в жаргоне местных. Оба зимовали всегда в столицах

вместе с детьми. Ещё была в деревне баба Зина Михельсо-
ниха, двоюродная, кажется, сестра дяди Миши по отцу, а по
мужу Новикова. Она не вставала, всё в доме делал её сын, и,
кроме него да ещё пары-тройки родственников, навещавших
их в тёплые летние дни, бабу Зину никто не видел. Нам она
показалась только в гробу...

Кравченки, как их тут звали, не вызывали симпатий од-
носельчан. Во-первых, они не местные, приехали из друго-
го села. Даже прозвищем деревенским их не удостоили. Там
ведь если ты Волков, то Волчок, потому что малого роста, а
если Молчанов, значит Малёк, и дети твои взрослые – Маль-
ки, хоть они и вымахали под метр девяносто, здоровенные
мужики. Другая причина, может, заключалась в том, что Аня
и Витя держали большое хозяйство – два дома, два участ-
ка, две коровы, старый польский трактор, «жигули» – пода-
рок внука, мелкая живность, да ещё Витина столярка с цир-
кулярной пилой. Деньги тратили обдуманно, жили без ма-
шины, пока внук не подарил, а подвернулась возможность –
сделали одновременно с нами скважину для воды, заплатив
за неё больше ста тысяч. Свой источник надёжней старого
деревенского водопровода, который рвётся два раз в год –
в семьдесят лет воды не наносишься. Остальные жители до-
вольствовались тем, что есть, и каждый раз ждали, пока ды-
ру залатают, иногда ожидание длилось несколько недель, хо-
зяин трубы – преемник бывшего колхоза никогда не спешил
ремонттировать её.

Но главная причина нелюбви соседей заключалась не в относительной зажиточности Ани и Вити. Дело было в другом – в девяностые годы Аня торговала в деревне палёной водкой и, через неё, по выражению другой соседки, полдеревни на кладбище отнесли. Трудно сказать, насколько виновата в том Аня, такой ли уж плохой была её водка. Но деревня пила много всегда, и в советское время, и после, и с Аниной водкой, и без неё. Только при Советах работали колхозы, работали плохо, неэффективно, но работали. Каждый день колхозник шёл трудиться, что-то делал. Хотя на работе тоже пили, но не всегда и не все. На «Беларусь» совсем пьяный не залезешь, не лимузин, трактор с огромными задними колёсами, на них и «сидит» кабина, если кто не знает. Такая жизнь немного дисциплинировала. А в девяностые колхозы развалились, в поле, на ферму не надо идти, жили с огорода, кто мог, держал скот, перебивались случайными заработками, ловили рыбу сетями. Аня стала продавать водку, но как-то не разбогатела через это, может, водочное производство помогло чуток расширить хозяйство, да и только.

И пошла безработная деревня быстро спиваться. Когда зятю Ильича сослуживец с Севера привёз канистру спирта, то в шесть утра перед их домом стояла очередь с алюминиевыми кружками. В окошко постучали, злой Сергей встал, раздвинул шторы:

– Чего?

– Сярожа, болеем!

Серёга чертыхнулся, мысленно поругал себя за вчерашнюю доброту и снова налил каждому.

Кравченки сами не пили, разве что Витя изредка пропустит рюмашку-другую-третью за компанию, да и как тут пить, когда такое хозяйство? Некогда глупостями заниматься. Впрочем, вся пьющая братия до конца нулевых не дожила. Мы там появились в 2009-м, и уже никого не застали, с тех пор до пятнадцатого года в деревне никто не умирал, население стабилизировалось, как говорят демографы, но неуклонно старело.

Ещё Кравченков не любили за скупость: картошку и огурцы продавали дачникам по ценам рынка и магазинов райцентра. Правда, продавали они приезжим, а не любили их местные. Лично мне нравилось брать овощи у Ани, тут я был уверен, что картошка своя, для себя и выращенная, набирал её из котомки, которую Аня приносила с огорода в дом для кухонной стряпни. Деньги свои они считали, как же без этого, но бывало и Аня скажет: «А возьмите огурчиков для Ваших мальчиков», и я брал, не стеснялся. Конечно, у соседей с другого конца деревни вообще никогда за подобные мелочи не платил, они не берут денег, считают такую торговлю недостойным занятием. Поэтому я и стесняюсь к ним обращаться, хотя знаю – попрошу, Прасковья (она же Паша для своих) даст сколько надо, да ещё скажет: «Приходи яшшо!».

Даже водитель-продавец автолавки, Василий Иванович, влиятельное лицо местного бомонда, не жаловал Кравчен-

ков, отказывался возить Ане её заказы. Та звонила в райпо, только ничего не помогало. Василий Иванович имел разговор с председателем, но дальше дело не пошло. «А чаво, она у меня только соль заказывает, если я всем только соль возить буду, на хлеб места не хватит!» Это у ГАЗа, который 4,5 тонны тянет на себе! Ну, воля хозяина автолавки для местных священна. Он им лет тридцать продукты возит, сколько старушек зависит от перемен его настроения, до магазина-то далеко, на себе крупы да сахар тащить. А Аня предпочитала всё брать в райпо, там и выбор больше, и продавщицы простые, без фанаберии. А когда машина появилась, так и в город стали ездить.

Правда, сказать, что Аня была совсем уж без пунктиков тоже нельзя. Иногда на неё находило. Что называется, коса на камень. Продала она как-то свой второй дом, построенный некогда для младшего сына, так и не въехавшего в него. Предпочёл парень город. Сговорились с условием, что все документы на участок оформит, как положено, даже жить пока пустила покупателей, картошку им с Витей посадили – пользуйтесь. А вот с бумагами не заладилось, когда-то землемеры ошиблись, и теперь их оплошность требовалось исправить, иначе две трети земли вместе с баней считались на чужих сельскохозяйственных угодьях. Одно слово угодья – чертополох сплошной.

Но началась волокита, купившие дом люди вложились в него и уже готовы были брать так как есть, с тем, чтобы са-

мим потом воевать с чиновниками. Но Аню гордыня обуяла, нет, я добьюсь, моё право, моя земля. Да и подружки в соседней деревне нашёптывали: «Смотри, обманут тебя городские – жить будут, а деньги не заплатят, останешься на бобах – хату присвоят, дитё, мол, у них, пропишут его и всё, до совершеннолетия ребёнка». И – пошло, поехало, Аня всерьёз стала думать, что дом отнимут, ведут себя как хозяева, вон печку вторую поставили, а кто им разрешал? Платите деньги или уходите, и печь свою забирайте. Короче, кто знает, что Аня себе вообразила, какие мысли мелькали в её уставшей голове, но условия она создала людям несносные, зимой, когда дел поменьше, ходила к ним как на работу, ругалась, выставляла всё новые требования. Те плюнули и уехали, купили жильё в другом месте. А Аня осталась с пустой и ненужной ей избой и перспективой длительной тяжбы лет на пять. Короче, и покупателям своим мозги вынесла, и себе, наверное, тоже. Возможно, и онкология её завелась на нервной почве...

Так и стоит второй дом опять пустой, пополнив список невостребованного жилья в деревне. Стоит, как напоминание об Ане, о её глупости, как живой укор. Дом без хозяина живёт плохо, норовит развалиться, то одно оторвётся, то другое. Пока у Вити силы есть, он придёт с Игорем, подлатает, починит, но это пока. Зато подружки были довольны: «Ничего, молодец, – говорили они, – не дала себя этим жуликам обмануть!». А несостоявшиеся обманщики, кроме

устройства второй печи, решили проблему сырости в доме (каждое утро окна стояли все запотевшие изнутри), поклеили обои, сделали нормальную по объёму выгребную яму, переложили канализацию. Изба приобрела в стоимости, только вот покупатели чего-то не толкуются в очереди, да и кому нужен дом без земли? Теперь и расплетать этот клубок бюрократической глупости некому, у овдовевшего Вити дел по горло, а здоровье никудышное, ни к чему ему нервы трепать в конторах. Будет ждать чуда или не ждать ничего. Деньги ему особо-то и не нужны, а Аню уже не вернёшь. Она на погосте лежит.

Маленькие сельские кладбища в тех краях есть почти везде, даже за околицей самой маленькой деревни найдёшь такой город мёртвых, там лежит гораздо больше людей, чем в селении проживает. И это только похороненные после войны, довоенных могил сохранилось мало. Обычно кладбища хорошо заметны с дороги, иногда она там и кончается, дальше пути нет. У нас всё не так, то, что с натяжкой можно назвать дорогой, проходит метрах в двадцати-тридцати, а само кладбище спряталось от посторонних глаз в лесочке, недалеко от деревни. Летом его и не разглядишь за пышным одеянием деревьев. Сколько раз машинный люд из других мест и особенно из дальних городов, приехавший в поисках мест успокоения своих родственников возвращался на «парковку» у развилки (дальше можно проехать только на тракторе) и спрашивал нас, где кладбище. Трудно его найти с перво-

го раза, к нему ведут только две узких извилистых тропки, вдоль которых растёт земляника. Тишина, лесок загораживает от моторных звуков, птички поют, мы туда приходим выпить рюмку на могиле Ильича, нашего доброго соседа. И ему обязательно приносим стаканчик. И около Ани остановимся.

Но как туда тащат гробы, я просто не представляю. Кладбище небольшое, сорок-пятьдесят холмиков, но видно, что старое, есть даже захоронения начала прошлого века. Потом его то ли забросили, то ли хоронили в три этажа с деревянными крестиками, которые сгнивают за десять-двадцать лет. «Ожило» оно годах в восьмидесятых, появились надгробные памятники, довольно бедные, простенькие, но хоть что-то. Я помню кладбище в маленьком белорусском городке, где похоронены дед и обе бабушки, там народ более основательно подходил к устройству последнего пристанища. И хоть не лежит здесь, на нашем деревенском погосте, никто из моих родных и близких, именно тут мне вспоминаются есенинские строки, проникаюсь ими, подписаться готов:

- Дайте мне на Родине любимой
- Всё любя, спокойно умереть!

Хочется верить, что мне ещё рановато, но могилочек в последнее время сильно прибавилось, за год до Ани, туда из Питера привезли Ильича, а в этом и Аню положили. Кто там у нас в деревне следующий, скажи, кукушка?